

ство относительно сбора налогов являлись, по Караяннопулосу, естественным следствием моральных пороков налогоплательщиков.

Караяннопулос задает напрашивающийся вопрос: если действительно налоговая система в Византии была разумна, справедлива, то почему в источниках зафиксирована масса жалоб на ужасы этой системы? И Караяннопулос отвечает: человеческая натура гнусна; люди всегда критикуют существующее положение вещей; любое мероприятие можно очернить из политических соображений и т. д. Караяннопулосу не приходит в голову мысль о том, что между идеалом законодателя и реальной действительностью имеется большое расхождение, которое историк должен учитывать и раскрывать. Караяннопулос этого не сделал, и потому его труд превратился в сплошную апологию финансовой системы Византии.

Караяннопулос выступает против историков (в том числе Штейна и Ростовцева), которые говорили о разложении и упадке Византии в IV—VI вв. По его мнению, это был период политического и культурного подъема, который, однако, требовал тяжелых жертв от населения.

В заключение Караяннопулос приводит фразу Хейхельгейма о том, что только государство с сильной властью, регулирующее всю жизнь страны, могло спасти для будущего сокровища античной культуры. Всякое более свободное государство погибло бы. В этих словах восхваление тоталитарного государства проглядывает явственно.

Общая тенденция книги Караяннопулоса политически реакционна. Однако книга имеет и ценную сторону — детальный анализ терминологии финансового дела, критический разбор различных теорий западной историографии, касающихся финансовой системы ранней Византии. Можно найти много полезных справок у Караяннопулоса, но следует полностью отбросить его попытки убедить читателей во внеклассовой сущности Ранневизантийского государства и в благодетельности для населения Византии налоговой системы V—VI вв.

М. Я. Стюжков

A. J. FESTUGIÈRE. ANTIOCHE PAÏENNE ET CHRETIENNE. LIBANIUS, CHRYSOSTOME ET LES MOINES DE SYRIE

Avec un commentaire archéologique sur l'Antiochos par Rol. Martin. Paris, 1959

(обзор глав археологического содержания)

Новая работа видного представителя официальной французской науки сопровождается переводом писем и девяти речей Либания, жития Симеона Столпника из *Historia Religiosa* Феодорита Киррского, подробным изложением других жизнеописаний Симеона (сирийского и греческого, составленного монахом Антонием), а также высказываний Иоанна Златоуста, относящихся к сирийским монастырям; монография в основном базируется на этих материалах. Таким образом, книга относится к истории идеологии IV—V вв., в частности, к истории христианского культа.

Автор использует лишь очень немногие современные труды, оправдываясь тем, что «человек, посвятивший себя глубокому изучению древних авторов, из-за краткости жизни не может всего прочесть» (стр. 17). Но проводится этот принцип односторонне. Так, уделяя большое внимание родственным связям учеников Либания и видных деятелей сирийского монашества, автор широко использует (и вместе с тем дополняет) просопографический труд Пети об учениках Либания, появившийся в 1957 г. Вместе

с тем Фестюжьер оставляет без внимания эпохальные мозаики, как не отражающие будто бы внутреннего мира антиохийцев; при этом создается впечатление, что роль мозаик умалается потому, что они рисуют этот духовный мир не так, как хотелось бы автору. Из ведущих работ об этих мозаиках упоминается только монография Леви 1948 г. (стр. 12 и прим. 2), как будто не существовало более ранней монографии Мореля¹. Не желая, однако, совсем пренебрегать данными материальной культуры, автор привлек результаты некоторых из археологических исследований, проводившихся в Антиохии и на Сирийском нагорье в годы французского мандата. Разбор этих обращений к современной археологической науке и составляет содержание настоящей рецензии.

Первая часть книги Фестюжьера, посвященная Антиохии и антиохийцам, предваряется последней частью² знаменитой одиннадцатой речи Либания, произнесенной на Олимпийских играх в Дафне (в 358—359 гг. по указанию автора, — стр. 10 и прим. 1)³ вскоре после возвращения на родину и опубликованной в дополненном виде в 360 г., когда еще правил Констанций II. Целиком приводится вся описательная часть (стр. 196—274), рисующая Антиохию середины IV в. Автор книги считает возможным отнести это описание и к более позднему времени (V в.). Фактически в правление Феодосия I город не только не был уничтожен (этим угрожал император восставшим антиохийцам), но напротив, так вырос, что пришлось расширить его стену⁴. Малала сообщает также о постройке при Феодосии II (408—450) большой базилики Анатолия и о золочении створ Дафнийских ворот. Позднее, при Анастасии, была построена гражданская базилика Руфина⁵.

Упадок наступает только в VI в., из-за страшного пожара (незадолго до 520 г.), который Малала (р. 417. 5 sq.) связывает с запрещением Олимпийских игр. От большого землетрясения 525 г. пострадал весь город, в том числе Большая церковь; в 540 же году город был взят и сожжен Хосроем II. Следует напомнить, что сообщение Прокопия о полном восстановлении Антиохии Юстинианом не соответствует действительности.

С некоторыми оговорками можно согласиться, что рисуемая Либанием картина в достаточной мере отвечает состоянию общественных сооружений Антиохии и в середине V в. Однако именно за истекшее со времени Либания столетие должно было значительно возрасти число тех памятников христианского культа, которыми Либаний явно пренебрег в середине IV в., но которые имеют особое значение в контексте данной книги.

Уже во введении автор под разными предлогами отклоняет свидетельство о распристращенности язычества в Антиохии. Тот факт, что антиохийцы, по сообщению Иоанна Златоуста, увлекались цирком и иппо-

¹ C. R. Morey. The mosaics of Antioch. London, 1938.

² Начиная перевод с § 196, Фестюжьер опускает не только риторическое восхваление Антиохии, но и всю историю города и его языческих культов, а также очень интересные данные о финансировании антиохийского строительства (§ 194—195) и любопытное свидетельство о местной традиции, согласно которой суд Париса имел место в Дафне (§ 241), — сообщение, получающее особое значение в связи с изображением этой сцены на одной из мозаик (G. Downey, in: AJA, vol. 64, № 3, 1960, p. 303). Имеется прокомментированный английский перевод всей речи: G. Downey. Libanius oration in praise of Antioch (Oratio XI). «Proceedings of the American Philosophical Society», vol. 103, № 5, 1959, p. 652—686. Г. Доуни знает о существовании русского перевода С. Шестакова по отзыву, но думает, что он включает только 16 речей (op. cit., p. 655).

³ Г. Доуни относит игры и произнесенные речи к 360 г. (op. cit., p. 653; n. 4).

⁴ I o a n n i s M a l a l a e Chronographia, rec. L. Dindorf. Bonnae, 1831, p. 346. 5—347.5.

⁵ Рец. соч., стр. 10: M a l a l . , p. 398. 9 sq.

дромом, что в замечательных мозаиках Дафни и Антиохии совершенно отсутствуют христианские эмблемы, ничуть не смущает автора. Он переносит формальное и безразличное принятие религии современной французской буржуазией в ту эпоху, когда классовые противоречия ярко проявлялись в религиозных разногласиях; он обходит все то, что породило языческий характер антиохийского искусства. Такая модернизация «облегчает» решение сложных проблем прошлого, ход исторического развития в трактовке автора предстает совершенно произвольным (стр. 13). Область же вещественных памятников, обнаруженных за последнее десятилетие, затрагивается в книге довольно оригинальным образом.

Первая глава книги состоит из перевода XI речи Либания *Antiochikos* (Or. XI. 196 sq. — *Libanii opera*, rec. R. Foerster, vol. I. Lipsia, 1903, p. 504. 5 sq.) и из комментария к ней. Автору книги принадлежит французский перевод (стр. 23—37), оценка которого не входит в задачи настоящей рецензии. Обширный комментарий (стр. 38—61) составил специалист по античному градостроительству Р. Мартен. Две его монографии — о греческой агоре и о градостроительстве в античной Греции⁶ — представляют значительный вклад в науку. Содержание второй далеко выходит за рамки ее заглавия; целая глава в ней («Расширение и преобразование эллинистического наследия») рисует общую картину римского градостроительства в восточных провинциях. Впервые после появления труда А. Геркана⁷ здесь вновь подтверждается римское, а не эллинистическое происхождение и соответствующая датировка всех колонных улиц, известных археологии и эпиграфике. Понятно, что участие Р. Мартена увеличило удельный вес археологии в рецензируемой книге. Но совершенно непонятно, как мог Фестужьер остаться в стороне не только от детального комментария Р. Мартена, но и от самой XI речи Либания. В итоге двойная «рамка» — Либания и Мартена — имеет мало отношения к обрамляемой картине; она существует самостоятельно и безотносительно к тексту.

По ряду вопросов комментарий Мартена перерастает в небольшие экскурсии. Так, он оспаривает не совсем ясное указание Либания, будто бы Антиохия была крупнейшим из городов того времени. В IV в. площадь ее была гораздо меньше, чем площадь Рима; это должно относиться и к числу жителей: около половины миллиона в Антиохии и более миллиона в Риме.

Особое значение имеют замечания о колонных улицах Антиохии. Как известно, выражение «*δίδρομον ὁδοῦν ὄψος ἐκτείνουσα*» расшифровывалось ранее, как свидетельство о двух рядах колонн по каждой стороне проезда на главных улицах Антиохии (Lib., 504. 9). Поэтому на старых планах Антиохии, реконструированных у Мюллера и Ферстера⁸, улицы показаны чрезмерно широкими.

Однако ни в Антиохии, ни при раскопках какого-либо другого античного города не обнаружено таких двойных, т. е. двухнефных, колоннад вдоль улиц. Двухнефные колоннады или стои оставались, по указанию Мартена, особенностью греческой и эллинистической агоры и не перешли в колонные улицы римского времени. Как показал Мартен⁹, во многих

⁶ R. Martin. *Recherches sur l'agora grecque*. Paris, 1951; *idem*. *L'Urbanisme dans la Grèce antique*. Paris, 1956.

⁷ A. Gerkan. *Griechische Städteanlagen*. Berlin u. Leipzig, 1924.

⁸ K. O. Müller. *Antiquitates Antiochenae*. Gottingae, 1839, tab. A; R. Foerster. *Antiochia am Orontes*. «Jahrbuch des Deutschen Archaeologischen Instituts», Bd. XII, 1897, S. 103.

⁹ R. Martin. *L'Urbanisme...*, p. 217, особенно p. 219.

случаях, в частности в Антиохии, главные, но все же относительно узкие (10—12 м) улицы эллинистического времени могли быть обращены в широкие колонные проспекты только за счет примыкающих домов, т. е. с отчуждением части их участков (стр. 40; Lib. 504. 10). Поэтому старая ширина улиц обычно увеличивалась не более, чем на ширину тротуаров, т. е. на ширину однорядных портиков; для двухъярусных же портиков недоставало места. Выражение следует считать равнозначным $\delta\tau\lambda\acute{\alpha}\sigma\tau\omicron\upsilon$, обычному для обозначения двухъярусных колонных сооружений на площадях. В переводе Фестюжьера (стр. 23) тоже употреблено выражение «portique à deux étages» (без обоснования)¹⁰.

Применение двухъярусных портиков вдоль улиц представляется Мартену необычным — быть может, из-за недостаточно углубленного изучения руин (стр. 39; Lib. 504. 9). Мартен отмечает склонность антиохийских строителей к многоярусным галереям и частую замену в этих галереях колонн столбами. Галереи со столбами известны на делосской агоре италиков и распространены в жилой и культовой архитектуре нагорного района к востоку от Антиохии, который Мартен вместе с Чаленко¹¹ условно называет «массивом Белуса». Нельзя не отметить, что при всех заслугах Чаленко распространенность двух- и трехъярусных портиков в горах Северной Сирии отнюдь не является его открытием; начиная с общеизвестных публикаций Вогюэ и Батлера, мы имеем ряд изобретений этих многоярусных портиков. Они характерны не только для жилой и культовой архитектуры, но и для таких общественных зданий, как, например, андроны, базарные здания, гражданская базилика в Деир Семане (Джебель Семан) или так называемое «кафе» в Серджилла (Джебель Завие), т. е. для всей архитектуры района между Антиохией и Алеппо. между Апамеей и Кирром.

Мартен удачно сослался на двухъярусность портиков в антиохийском районе. Указание же на замену колонн столбами не имеет прямого отношения к делу. Для аналогии с колонными улицами важнее было бы привлечь не портики со столбами, появившиеся в некоторых районах Северной Сирии относительно поздно, а двухъярусные портики, еще долго сохранившие классические колоннады в обоих этажах¹². Ведь улицы Антиохии обрамлялись колоннадами, а не рядами столбов; именно мотив двухъярусной колоннады дома или андрона мог лечь в основу грандиозных тоже двухъярусных, колонных улиц Антиохии. Не совсем удачная аналогия с портиками делосской агоры италиков, по-видимому, проистекает из недостаточно четкой трактовки основного вопроса — о дате антиохийских колоннад.

Используя данные древних и византийских авторов, Мартен считает, что археологические свидетельства будто бы отвечают указаниям Иосифа Флавия и Малалы, которые относят замощение и украшение проспектов ко времени Ирода и Тиберия (Ios. Flavius. Bell. Jud., I, 21, 11; Ant. Jud.,

¹⁰ С. Шестakov («Речи Либания», т. II. Казань, 1916, стр. 383) переводил: «двойной ряд высоких портиков». Без уточнения и без комментария Г. Доуни («Libanius...», p. 673) переводит: «a double line of stoas». Следует отметить, что участник раскопок Лассю все же считает колоннады четырехрядными J. L a s s u s. Sanctuaires chrétiens de Syrie. Paris, 1944 (1947), p. 303]. Таким образом, этот вопрос не решен окончательно, хотя на новых планах (у Морея, Пети, Фестюжьера) показываются неизменно только два ряда колонн, по одному с каждой стороны.

¹¹ G. T c h a l e n k o. Villages antiques de la Syrie du Nord. Le massif de Bélus à l'époque romaine, vol. I—III, Paris, 1953—1958.

¹² H. C. B u t l e r. Ancient architecture in Syria. Section B. Northern Syria, part 1 (Leyden, 1908, p. 108; part 3. Leyden, 1909, p. 124—131 (Серджилла); p. 133—135 (Даллоза).

XVI, 5,3; Malal., p. 232. 15 sq.). Если при Ироде улицы замощались, а при Тиберии украсились статуями, то значительная часть работ, по мнению Мартена, была уже выполнена; исследователь видит здесь «удачное совпадение археологических и литературных данных, позволяющее уточнить дату этих преобразований, которые глубоко изменяют архитектуру городов империи» (ср. освещение им этого вопроса в кн: «L. Urbanisme...», p. 217—218). Сопоставляя эти указания (стр. 40) с описанием двухъярусных портиков у Либания (504. 9) и с комментариями к ним Мартена (стр. 39), читатель получает совершенно ложное представление, будто бы колонные проспекты, описываемые Либанием, это и были *πλατεία* Ирода.

Между тем археология подтверждает лишь относительно малую ширину эллинистических улиц и отсутствие на них колоннад. Недоразумение, скорее всего, объясняется тем, что в работах о градостроительстве античной Греции Мартен занимал вопрос о разграничении вклада греков и римлян¹³. Как известно, Мартен доказывал, что даже самые ранние, не дошедшие до нас, но известные по эпиграфическим или археологическим данным колонные улицы относятся к эпохе Римской империи (ко второй половине I в. н. э. — в Коринфе; быть может, даже к первой половине I в. н. э. — в Атталей в Киликии). Вот этот-то тезис Геркана—Мартена и подтверждают раскопки Антиохии; и здесь тоже на эллинистических уровнях отсутствуют следы колонных улиц. Но это отнюдь не дает права ставить знак равенства между созданиями Ирода—Тиберия и описанными Либанием колонными проспектами гораздо более позднего города.

Ни окончательный отчет о раскопках в Антиохии, ни последний том предварительной публикации, насколько нам известно, еще не появились. Но достаточно внимательно изучить вышедшие тома¹⁴, чтобы ясно представить себе, как далеки друг от друга — не только во времени, но и в пространстве — улица, описанная Иосифом Флавием, и колонные улицы, описанные Либанием. Между остатками базальтового замощения, отвечающего римскому колонному проспекту, и уровнем эллинистической улицы обнаружено одно над другим по крайней мере два замощения с разницей более метра между каждыми двумя смежными уровнями¹⁵. Таким образом, ни улица Ирода, ни улица, украшенная статуями при Тиберии¹⁶, это отнюдь не тот колонный проспект, которым гордилась Антиохия при Либании. На уровнях, промежуточных между эллинистической улицей из гравия и монументальными римскими улицами, колоннад, относящихся к ранней империи, обнаружить не удалось¹⁷.

В I—III томах предварительной публикации грандиозный колонный проспект Антиохии не датируется. В заметке Ф. Вааже портики датируются концом II в. н. э.¹⁸; Лассю же относит наиболее блестящее состоя-

¹³ R. Marten. Urbanisme..., p. 217—218, а также p. 176—177, 219.

¹⁴ «Antioch on the Orontes», I—IV. Princeton 1934—1952.

¹⁵ Ibid., III (1941), p. 14—15 и 16—17. Ф. Вааже (F. O. Waagé). Antioch on the Orontes; season of 1937. AJA, 1938, № 4, p. 126—127.— Заметка о докладе на 33-й сессии Американского археологического института) насчитывал три промежуточных периода, так как он ошибочно считал базальтовое замощение не римским, а византийским.

¹⁶ Уже раньше Ч. Морей указывал: «Еще не ясна связь между колонными улицами Тиберия и теми, о которых Иосиф и Малала сообщают, что их во времена Августа замостил и украсил портиками Ирод» (Ch. R. Murey. Excavations on Antioch on the Orontes. «Proceedings of the American Philosophical Society», vol. 76, 1936, p. 642—643).

¹⁷ F. O. Waagé. Op. cit., p. 126—127

¹⁸ Ibidem.

ние колонных проспектов в III в. н. э.¹⁹ Позднее архитекторы Юстиниана лишь слегка приспособили римский монументальный проспект к новым требованиям²⁰. Значит, Либаний мог описывать только эти относительно поздние римские проспекты, проезжая часть которых была замощена базальтом.

Датировка III веком позволяет сопоставить антиохийские колонные улицы с близкими по времени — тоже колонными, и тоже двухъярусными — проспектами самого Константинополя.

Известно, что константинопольские проспекты были так загромождены лавками, что пешеходное движение фактически осуществлялось по второму этажу колоннад²¹. Двухъярусность антиохийских портиков может быть объяснена аналогичным образом; и прием этот был осуществлен в столице, вероятно, по сходным причинам — из-за несоответствия возросшего движения ширине портиков.

Мы позволили себе подробно рассмотреть вопрос о колонных улицах, так как он является ключевым в истории античного градостроительства вообще, а в истории Антиохии в особенности. Из сказанного ясно, что Мартен не дифференцирует многовекового развития городов в эпоху Римской империи, а противопоставляет все, созданное римлянами, всему греческому. Ни Мартена, ни — как естественно было бы предположить — Фестюжера не смутило смещение на десяток метров по вертикали, говорящее о трех веках, на протяжении которых город должен был измениться сильнее, чем в промежутке между поздним эллинизмом и эпохой Августа — Ирода.

Комментарии на стр. 50—51 посвящены интересным данным Либания о многоэтажности домов богачей, о наличии сильно выступающих балконов, о тесной связи домов с примыкающими портиками (510, 10; 510. 13 sq.; 512. 7. 515. 5—7). Следовало бы добавить, что это не было общим правилом и в поздней античности; иногда (например в Босре) портики почти не сообщались с домами, которые сохраняли свою традиционную замкнутость. Распределение лавок и мастерских вдоль главных улиц (Lib., 510.9; 510. 13 sq.; 526.7) подчеркивается Мартемом как отличие от греческих и эллинистических городов, где ремесла специализировались обычно по районам, а торговля концентрировалась на рынке (агора). Однако все эти указания Либания (и комментатора) относятся, конечно, к совсем другой эпохе, к иному образу жизни, к иному облику города по сравнению с концом I в. до н. э. Они-то и роднят по з д н ю Антихию с древними городами Италии (Помпея, Рим, Остия), с преобразенными под римским влиянием городами Сирии и Малой Азии, например с Милетом III—IV вв. н. э. (можно добавить сюда и Константинополь). В дальнейшем, в VI—IX вв. загромождение и застройка портиков и даже проезжей части лавками привели к полному изменению облика городов, к появлению системы улиц-базаров (суков), как верно отмечает Мартен (стр. 56—57). Но это не имеет никакого отношения к портикам Ирода.

Комментарий Мартена полон и убедителен в отношении тех факторов, которые мало изменились от эпохи эллинизма до времени Либания; удоб-

¹⁹ J. L a s s u s. Op. cit., p. 303. «В III в. — расцвет Антиохии, устройство вместо портиков Ирода большой колоннады в четыре ряда огромных колонн; длина этой колоннады отныне превышает четыре километра».

²⁰ «Antioch...», III, p. 16.

²¹ R. G u i l l a n d. Autor du Livre des cérémonies de Constantin VII Prophyrogénète. La Mésè ou Regia. «Actes du VI-e Congrès International d'études byzantines (1948)», t. II. Paris, 1951, p. 171; R. J a n i n. La région occidentale de Constantinople. REB. XV, 1957, n. 91; C. M a n g o. The brazen house. København, 1959, p. 89.

ный для градостроительства рельеф местности, роль в этом рельефе и в городском пейзаже горы Сильпий, климатические условия, общее начертание городского плана, наличие «нового» города на острове и т. д. (Lib. 504. 15; 505. 7; 505. 11; 506.18; 507. 6—8; 509. 8; 511. 17; 514. 21 и т. д.).

Интересны соображения комментатора о тетрапилонах на пересечениях колонных проспектов Старого города (507.9—10) и об «омфалосе» на острове, перед дворцом (507. 14,17, 19). Вопрос о самом дворце, занимавшем значительную часть острова и еще нераскопанном, очень сложен. Мартен сопоставляет в связи с этим тексты Феодорита и Либания с изображениями городского пейзажа на общеизвестном мозаичном бордюре из Дафни (507.9 — 10 и 17; 508. 14; 509. 3).

Подробно исследуя соотношения понятий «дворец» и «регия», Мартен склонен считать «регию» тоже дворцовым, но более ранним сооружением. Однако если учесть, что в Константинополе «регией» (а также «агорой», «месэ») назывались главные проспекты с двухъярусными портиками²², то аналогичное объяснение напрашивается и для Антиохии: «регией», скорее всего, должны называться колонные улицы, по крайней мере те, которые до землетрясения 458 г. перекрещивались на острове, перед дворцом.

Комментируя текст о зрелищных сооружениях (Lib., 512. 15), Мартен говорит почему-то в предположительной форме (стр. 49) о возможности постройки второго ипподрома в позднеримское или византийское время. Между тем совершенно реальный ранневизантийский стадион несколько облегченной конструкции обнаружен раскопками в южной части острова, к западу от ведущей ко дворцу колонной улицы²³; он показан даже на плане перед комментарием Мартена. Следует отметить, что реконструкция эта восходит в конечном счете к Ч. Морю²⁴. Реконструируемая согласно описанию Либания поперечная колонная улица острова перерезана на плане этим ранневизантийским стадионом. Морей напоминает²⁵ свидетельство Евагрия (II, 12) о том, что землетрясением 458 г. был разрушен тетрапилон острова вместе с колоннадой, проходившей перед дворцом. Тем самым освободилось место для стадиона. Лассю узнаёт его на мозаичном бордюре из Дафни (отрезки 43—44) и ставит его в связь с баней С²⁶. Сведения о постройке византийского стадиона желательным было бы связать с комментарием к 512. 15 и 533. 15—18 (стр. 49, и 60—61), где речь идет о соревновании цирковых партий и соперничестве религиозных сект в Антиохии V в. Для основной темы книги — борьбы язычества и христианства — указание на постройку нового стадиона было бы весьма полезно. Отсутствие его еще раз свидетельствует, как нам кажется, о недостаточной взаимосвязи в работе двух авторов. При некоторых уточнениях комментарий Мартена полезен сам по себе, но в нем недостаточно учтена специфика книги Фестюжьера.

I глава обрывается на комментарии Мартена. Следующая, II глава посвящена антиохийцам и Юлиану; к Либанию как воспитателю юношества

²² R. Guillaud. Op. cit., p. 171, 175—177, 182, со ссылкой на Эберзольта: регия, месэ, платейя, агора — все это синонимы для главной магистрали Константинополя.

²³ W. A. Campbell. A byzantine stadium (in: «Antioch...», I), p. 32—33, табл. II и рис. 32.

²⁴ Ch. R. Morey. Op. cit., генеральный план. Планы у П. Пети (P. Petit. Libanius et la vie municipale à Antioche au IV-e siècle après J. C. Paris, 1955, p. 127) и у Фестюжьера в основном повторяют реконструкцию Морей в отношении нового города (острова).

²⁵ Ch. R. Morey. Op. cit., p. 640.

²⁶ «Antioch...», I, p. 146—147; ср. W. A. Campbell. Op. cit., p. 33.

и представителю риторической школы автор возвращается только в III и IV главах. Таким образом, описание Антиохии оторвано от разбора деятельности в ней Либания, притом не только композиционно, но и в смысле содержания. «Рамка», которой является I глава, мало что дает для конкретизации первой части, посвященной деятельности Либания, Юлиана и Златоуста в Антиохии.

Очень мало внимания уделено и тому, правда немногому, что нам известно о церковных зданиях Антиохии. Только во второй части книги по поводу упоминания Феодорита о возвращении в правление Иовиана верующим церковей, по-видимому, закрытых Юлианом, в том числе и «недавно построенной» (стр. 271), автор, ссылаясь на Девресса, идентифицирует ее с Большой церковью, освященной в 341 г.; она стала «*υεσβουτοϛ*» по отношению к Старой церкви, т. е. к той, которая была выстроена сразу после больших гонений (стр. 271, прим. 1). Но каково соотношение «Старой» церкви с «Золотой» церковью Константина²⁷, остается невыясненным. О Большой церкви упоминается еще раз в связи с указанием Феодорита о том, что тело старшего Симеона Стилита пролежало 30 дней в церкви Кассиана (стр. 386, прим. 2).

Церкви в пригороде Каусье, за мостом через Оронт, посвящено полстраницы (заметка Д, стр. 414—415); здесь ничего не сообщается о характере памятника, о крестообразности плана здания — самого раннего из датируемых крестообразных зданий (между 378 и 387 гг. и во всяком случае ранее 404 г.) — факте, казалось бы, значительном с точки зрения связи Антиохии с монастырями²⁸.

Ни слова не говорится о другой, тоже ранней, но базиличной церкви в пригороде Антиохии — Ма'шукка. Правда, подробные материалы о ней не опубликованы, но Лассю сообщает о ней как о первой и пока единственной базилике, раскопанной в Антиохии²⁹; он дает общий вид раскопок и деталь мозаики³⁰. Небезынтересно, что и в Каусье, и в Ма'шукка, несмотря на их относительно раннюю дату, уже налицо множество захоронений под мозаичными полами³¹.

Нельзя совершенно отрицать возможность такого описания христианской Антиохии, которое было бы лишено конкретных археологических материалов. Но наличие в той же книге подробного комментария о гражданских сооружениях и языческих храмах обязывает автора дать конкретные указания о памятниках христианских, поскольку о них все же кое-что известно. Общая тенденция книги — подчеркнуть роль христианского элемента за счет языческого — не подтверждается, а скорее, напротив, опровергается всей суммой приводимых археологических данных: лишь языческая Антиохия ярко обрисована в тексте Либания и комментарии Мартена. Памятники же христианской Антиохии отсутствуют почти полностью.

²⁷ Л а с с ю (op. cit., p. 109) предполагает, что Золотая церковь была собором наравне со Старой церковью. Г. Чаленко (op. cit. vol. I, p. 227, 258) связывает октогон Константина с более старым языческим сооружением (см. след. прим.).

²⁸ Морей (op. cit., p. 637) подчеркивает, что эта церковь — 384 г. — уже типа Калат Семана, но на 50 лет раньше; а на стр. 645 — 387 года, по мозаичной надписи; Г. Чаленко (op. cit., vol. I, p. 258—259) считает, что в составе дворца на острове должен был быть октогональный памятник, сходный с Салонским мавзолеем; в этом октогоне он склонен видеть прямого предшественника Золотой церкви Константина и косвенного — октогона Григория Нисского и мартирия в Каусье, построенных почти одновременно в конце IV в.

²⁹ J. L a s s u s. Op. cit., p. 229—230.

³⁰ Ibid., tab. XLI (2) и XLIX (2).

³¹ Ibid., p. 193, n. 4 p. 230.

Мы опускаем в нашем обзоре главы III—IX, не содержащие каких-либо данных об археологических памятниках. В основу X главы «Монастыри Северной Сирии» положены данные Феодорита Киррского, сгруппированные здесь в географическом порядке (стр. 311—316). Полностью обходя вопрос об экономической основе сирийских монастырей, Фестюжьер переходит к монастырским постройкам (стр. 319). На какие средства воздвигались эти великолепные комплексы V—VI вв.? Какова экономическая основа существования сирийского монашества? Какова роль «еретических» течений, в частности несторианства, а затем монофизитства, в изменении монастырского быта? Все эти сложные проблемы, играющие столь большую роль в понимании экономической, политической и идеологической истории Северной Сирии (и Северной Месопотамии) совсем не интересуют Фестюжьера. В силу этого для него остается неразрешенной только одна проблема — образ жизни и жилье самих монахов.

Как известно, эта же проблема, но в гораздо более широком смысле, стояла перед церковными деятелями и в принципе, и на практике. Египетское монашество с IV в. было склонно к отшельничеству, а Василий Великий осуждал его³². В IV в. Иоанн Зукнинский стоял на точке зрения Василия, а Иоанн Эфесский столкнулся в монофизитской Амиде с обеими тенденциями³³: «Эти два течения, как и в египетских монастырях IV—V вв., уживались иногда мирно рядом, особенно в монастырях смешанного типа, где подле «братии» жили затворники и столпники...»³⁴ Сам Иоанн Эфесский колебался между двумя несовместимыми в принципе решениями³⁵. Практически же только Иоанн и его просвещенные спутники жили в отдельных кельях амидского монастыря, тогда как другие занимали общее помещение³⁶.

В северносирийских монастырях V—VI вв. отдельные кельи археологически заверены только в виде редкого исключения; нигде нет корпусов, состоящих из келий. Зато в состав всех сколько-нибудь значительных монастырей входят многоэтажные здания с огромными помещениями и окружающими их портиками из столбов. Хижин отдельных отшельников до сих пор не удалось обнаружить ни внутри, ни около монастырей³⁷.

Однако Фестюжьеру обязательно хочется истолковать собранные им тексты в том смысле, что и в V в. жила или по крайней мере ночевала в отдельных помещениях (т. е. в хижинах) вся братия. Для решения вопроса Фестюжьер вынужден привлекать двух наиболее авторитетных из современных авторов — Лассю и Чаленко.

Описывая в многократно упомянутой нами монографии типичные для Северной Сирии монастырские здания, окруженные не менее чем двухъярусными портиками с трех или четырех сторон, Лассю категорически называет монастырские корпуса — жилыми (*de logis*)³⁸. Келья, как правило, здесь нигде не встречается: большая часть монахов жила в больших залах, предвараемых портиками³⁹, которые служили также спальнями⁴⁰.

³² А. Дьяконов. Иоанн Эфесский и его церковно-исторические труды. СПб., 1908, стр. 391.

³³ Там же, стр. 17 и прим. 75.

³⁴ Там же, стр. 391.

³⁵ Там же, стр. 392—393.

³⁶ Там же, стр. 43 («только мы жили в кельях»).

³⁷ J. L a s s u s. Op. cit., p. 166—167; G. T c h a l e n k o. Op. cit., vol. I, p. 19, 125, 139, 145—173.

³⁸ J. L a s s u s. Op. cit., p. 272. (цитируется у Фестюжьера на стр. 319).

³⁹ Ibid., p. 267. (цитируется у Фестюжьера на стр. 320).

⁴⁰ Ibid., p. 275 (цитируется там же).

По мнению Лассю, эта схема здания потому и применялась как в монастырях, так и в гостиницах, что она позволяла разместить множество людей на минимальной площади⁴¹. Признавая, что эти здания малоподходящи для жилья, Лассю все же считает, что монахи жили сообща «dans une promiscuite totale», зимой — в больших залах, летом — под портиками⁴².

Не найдя у Лассю никаких подтверждений своей точки зрения, Фестюжьер переходит к работе Чаленко, «очищая» его высказывания следующим оригинальным образом.

Вся картина монашеского быта рассматривается Чаленко на фоне экономического процветания монастырей: «Если мы плохо разбираемся в жизни рядовых монахов внутри монастыря, то зато мы можем быть уверенны, что каждый монастырь представлял самостоятельное сельскохозяйственное предприятие, очень обширное, и очень хорошо организованное»... «Кажущийся конфликт между текстами и памятниками можно попробовать объяснить таким изменением монастырских уставов, которое шло параллельно с организацией крупных сельскохозяйственных предприятий»⁴³. Эта идея получает обоснование в описании руин ряда монастырей (особенно Каср аль Банат — V в. и Деир Турманин — VI в.)⁴⁴ и обобщается в особом § 23, названном «Монастырь как сельскохозяйственное предприятие»⁴⁵, а также в заключительной главе⁴⁶.

Аэрофотосъемка и внимательное исследование территории дали возможность обнаружить стены, ограждавшие обширные владения таких монастырей, как Каср аль Банат, Турманин, три монастыря Деир-Семана (Теланиссоса), в том числе и тот, который восходит к V в., и многие другие⁴⁷. Расположение охранных башен и других служебных построек, неизменно обращенных к полям, не оставляет сомнения в сельскохозяйственной материальной базе монастырей — как упомянутых больших, так и малых, вроде Каср ад-Деир на Джебель аль-Ала. Поля давали братии хлеб, а обширные оливковые плантации делали монастырь независимым предприятием.

Руины сирийского монастыря обычно связаны с руинами определенного поселения. Они свидетельствуют, что в Зитт ар-Рум монастырь вклинивался в деревню; чаще же связанное с монастырем селение стояло несколько обособленно. Таково было соотношение селения Турманин с Деир Турманином; селения Телль Аде с монастырями Деир Телль Аде и Бурдж ас-Саб; деревушки Кефер Киле с Каср ад-Деир. Предполагая, что монастыри должны были использовать труд соседей для сбора и обработки урожая, Чаленко допускает и прямую зависимость от монастырей целых селений, особенно принадлежавших ранее языческим храмам⁴⁸.

Огромное число монастырей и большая плотность заселения исключали для известнякового массива истинное отшельничество. Уже в V в. оно могло быть здесь только условным, в непосредственной близости от монастыря, даже внутри его стен. Чаленко объясняет исчезновение скитов IV в. территориальным ростом монастырей, которые их поглотили»⁴⁹.

⁴¹ Ibid., p. 276.

⁴² J. Lassus. Syrie (Cahrol-Lecierc. Dictionnaire d'archéologie chrétienne, XV/2, 1908); по Фестюжьеру — стр. 320.

⁴³ G. Tchalenko. Op. cit., vol. I, p. 20.

⁴⁴ Ibid., p. 157 sq.

⁴⁵ Ibid., p. 173—178.

⁴⁶ Ibid., p. 397—398.

⁴⁷ Ibid., vol. II, pl. XVI, XLVIII—XLIX, LI, LII, CCIV, CCVIII etc.

⁴⁸ Ibid., vol. 1, p. 176—177, 198.

⁴⁹ Ibid., p. 149, 178.

Эта ценная сторона исследования Чаленко не оспаривается, но и не учитывается Фестюжьером. Он вырывает из работы Чаленко отдельные цитаты, пропуская те указания, которые говорят не в пользу его собственной концепции. Это ясно видно, если сравнить отношение обоих авторов к самому раннему из дошедших до нас монастырей — Каср аль Банат (первая четверть V в). В описании этого комплекса⁵⁰ Чаленко высказывает интересное предположение о том, что портиковое здание в Каср аль Банат представляет собой переходную ступень от жилых корпусов к монастырским зданиям следующего (т. е. VI) века; по мнению Чаленко, относительно меньшая величина этих зданий еще раз подтверждает раннюю дату Каср аль Банат; в начале V в. состав монастырей уже установлен, но свою окончательную форму монастырский комплекс получил только в VI в.⁵¹; в состав монастыря Брейдж во второй половине VI в. все еще входило многоэтажное здание для общего жилья монахов⁵².

Обратимся к соответствующим высказываниям Фестюжьера. По поводу ранней даты Каср аль Банат он вынужден признать (стр. 321, прим. 4); «Одна надпись (IGLS 531) сообщает, что церковь (Каср аль Банат) построена по обету архитектором Кирисом, который похоронен в ней. Кирис работал до 418 г., и надпись была сделана не намного позже его смерти»⁵³. Но это не мешает Фестюжьеру заявить по поводу допускаемого Чаленко изменения монастырских уставов к концу V в: «Действительно, все сохранившиеся руины монастырей принадлежат к более позднему времени, чем V в., и датируются, вообще говоря, шестым» (стр. 322, прим. 1; курсив наш — С. К.).

Продолжая пространно цитировать главу о монастырях долины Дана, Фестюжьер (стр. 322), пропускает целую страницу, на которой особенно интересен следующий абзац: «Напротив, большая четырехэтажная постройка, расположенная в Каср аль Банат у алтарной части церкви, явно кажется жильем монахов, а добавленная позднее башня могла служить им убежищем в случае опасности. Башнеобразное здание в Брейдж, тоже на восток от двора, было одновременно и жильем, и убежищем общины. В Калат Семане крыло, отданное монахам, также находилось на восточной стороне двора против здания, окруженного портиком»⁵⁴.

Фестюжьер (стр. 322) излагает этот абзац следующим образом. «Чаленко спрашивает, где же в этих условиях жили монахи? Он думает, что им можно приписать некоторые здания, например в Каср аль Банат». Так с необыкновенной легкостью убедительные выводы Чаленко о трех наилучшим образом изученных памятниках сводятся — и притом в вопреки истинной форме — к одному комплексу.

В контексте данной книги особенно важно, что именно Каср аль Банат (Мар Бица в монофизитских наставлениях VI в. ?) уже в V в. в период деятельности Феодорита и старшего Симеона Стилита, функционировал как монументальный комплекс зданий на базе огромного земледельческого предприятия; как раз в нем большое здание с портиками еще носило более жилой характер, чем во многих других.

Именно эти обстоятельства и обойдены или искажены Фестюжьером так, чтобы у читателя не могло получиться вывода, нежелательного с «православной» точки зрения.

⁵⁰ Ibid., p. 159—161.

⁵¹ Ibid., p. 161, 163.

⁵² Ibid., p. 159.

⁵³ Ibid., p. 160.

⁵⁴ Ibid., p. 166.

Фестюжьер пренебрегает также интереснейшим предостережением Чаленко: «Единство монастырской архитектуры не должно заслонять весьма вероятного различия в уставе и в образе жизни общин VI в. — различия, которое объяснило бы, что одни из них имели коллективное жилище, а другие не имели. Несомненно, существовало, например, различие между православными и монофизитскими монастырями; между монастырями для лиц, говоривших на греческом языке, и монастырями сирийцев; между обычными монастырями и монастырями паломническими, монастырями для затворников, столпников»⁵⁵. Этот абзац не мог быть допущен в книгу Фестюжьера, вообще предпочитающего умалчивать о ересь.

Хочется добавить, что монастырские здания с портиками, как и аналогичные, хотя и меньшие, здания в составе поселений вилловых комплексов, настолько мало дифференцированы в своем устройстве, что характер их эксплуатации мог легко быть изменен почти без переделок (такая перемена, в частности, могла быть связана с прокладкой новой дороги, повлиявшей на характер производства, на число паломников и т. д.).

При современном состоянии археологического изучения Северной Сирии, в частности изучения монастырских зданий и владений, категорически решать вопрос об образе жизни общин до сих пор еще затруднительно. Если же отвлечься от наличия и конкретного характера их трудовой деятельности, от эксплуатации труда рабов и колонов, от размера владений и огромных монастырских богатств, и даже от культовой дифференциации, как это делает Фестюжьер, то научное решение вопроса станет вообще невозможным.

Судя по текстам, приводимым Дьяконовым⁵⁶ и Левченко⁵⁷, а также по ряду соображений Чаленко, в монастырях чаще всего должны были сочетаться или сменяться различные формы общежития. Никаким искажением точки зрения Чаленко нельзя поставить под сомнение правильность сведений, которые дают нам чертежи, литографии, фото и аэрофотосъемки, опубликованные в течение последних ста лет Вогюэ, Батлером, Маттерном, Лассю и Чаленко и создающие картину великолепных монастырских построек в благоустроенных огромных доменах. С этим совершенно конкретным фактом никак не вяжется та картина отшельнической, подвижнической жизни в с е х монахов, которую Фестюжьер хочет вычитать у Феодорита и в житиях Симеона. Даже подобранные самим Фестюжьером тексты говорят, скорее всего, об отшельничестве, подвижничестве отдельных лиц за счет совместной жизни (и работы?) остальной братии.

Вместе с Чаленко Фестюжьер вынужден признать, что большие здания с портиками служили одновременно и трапезной (стр. 322), и местом собраний, и местом трудовой деятельности братии (стр. 327). Весь вопрос сводится у него к тому, где и как монахи проводили ночь — в одиночестве или в общей спальне? Для решения этого частного вопроса не стоило прибегать к тенденциозному цитированию и искажению передовой концепции Чаленко. Подобное обращение с литературой представляет метод Фестюжьера в весьма невыгодном свете и ставит под вопрос точность использования письменных источников.

С. А. Кауфман

⁵⁵ G. Tchalenko. Op. cit., vol. I, p. 166—167.

⁵⁶ См. прим. 32.

⁵⁷ М. В. Левченко. Церковные имущества V—VII вв. в Восточно-римской империи. ВВ, II, 1949, стр. 11 сл., особенно стр. 20.